

Скверная история

Дело завязалось еще зимой.

Был бал. Гремела музыка, горели люстры, не унывали кавалеры и наслаждались жизнью барышни. В залах были танцы, в кабинетах картеж, в буфете выпивка, в читальне отчаянные объяснения в любви.

Леля Асловская, кругленькая розовенькая блондинка, с большими голубыми глазами, с длиннейшими волосами и с цифрой 26 в паспорте, назло всем, всему свету и себе, сидела особняком и злилась. Душу ее скребли кошки. Дело в том, что мужчины вели себя по отношению к ней больше чем по-свински. В последние два года в особенности поведение их было ужасное. Она заметила, что они перестали обращать на нее внимание. Они стали неохотно плясать с ней. Мало того. Идет, каналья, мимо и не посмотрит даже, как будто бы она перестала уже быть красавицей. А если и взглянет какой-нибудь как-нибудь нечаянно, невзначай, то взглянет не с удивленным, не платонически, а так, как глядят перед обедом на сдобный расстегай или поросенка.

А между тем в былые годы...

И этак каждый вечер, каждый бал!! злилась Леля, кусая губы. Я знаю, почему они не замечают меня, знаю! Они мстят! Мстят мне за то, что я их презираю! Но... но когда же, наконец, замуж? Разве так выйдешь замуж? Время не ждет ведь, не ждет! Негодяи вы этакие!

В описываемый вечер судьбе угодно было сжалиться над Лелей. Когда поручик Набрыдлов, вместо того чтобы плясать с нею обещанную третью кадрили, напился как стелька пьян и, проходя мимо нее, как-то глупо чмокнул губами и тем показал свое полное пренебрежение, она не вынесла... Злоба ее достигла апогея. Голубые глаза обволоклись влагой, губы задрожали. Слезы готовы были брызнуть... Чтобы не показать профанам своих слез, она отвернулась к темным вспотевшим окнам, и о, чудный миг, это ты! у одного из окон увидела прекрасного юношу, который не спускал с нее глаз. Юноша изображал из себя картину умильную, колющую как раз в самое сердце. Поза его была шик, глаза полны любви, удивления, вопросов, ответов; лицо грустное. Леля моментально ожила. Она приняла надлежащую позу и принялась за надлежащее наблюдение. Последнее показало, что юноша глядел не случайно, не так себе, а не спуская глаз, упиваясь и восхищаясь. Боже! подумала Леля. Хоть бы кто-нибудь догадался его представить! Что значит свежий мужчина! Сейчас заметил!

Вскоре юноша завертелся, заходил по залам и начал приставать к мужчинам. Хочет познакомиться! Просит, чтоб представили! подумала, захлебываясь,

Леля.

И подлинно. Минуток через десять актерик-любитель, с бритой шалопайской физиономией, внял просьбам юноши и, сильно шаркая ногами, представил его Леле. Юноша оказался нашим, до чёртиков талантливым художником, Ногтевым. Ногтев юноша лет 24-х, брюнет, с страстными грузинскими глазами, с красивыми усиками и с бледными щеками. Он никогда ничего не пишет, но он художник. У него длинные волосы, эспаньолка, есть золотая палитра на часовой цепочке, золотые палитры вместо запонок, перчатки до локтей и неимоверно высокие каблуки. Малый добрый, но глупый, как гусь. Имеет благородного папашу, таковую же мамашу и богатую бабушку. Холост. Он несмело пожал Лелину руку, несмело сел и, севши, начал пожирать Лелю своими большими глазами. Заговорил он нескоро и несмело. Леля тарыхтела, а он говорил только: Да... нет... я, знаете ли..., говорил чуть дыша, отвечая не попадая и то и дело в смущении почесывая (свой, а не Лелин) левый глаз. Леля духовно аплодировала. Она порешила, что художник втюрился, и торжествовала.

На другой день, после бала, Леля сидела в своей комнате у окна и, торжествуя, глядела на улицу. По улице, перед ее окнами, взад и вперед блуждал Ногтев. Ногтев блуждал и запуская глазенапа на ее окна. Он глядел, точно помирать собирался: грустно, томно, нежно, огненно. На третий день то же самое. На четвертый был дождь, и его под окнами не было. (Ногтева убедил кто-то, что к его фигуре не идет зонтик.) На пятый день было сделано так, что он явился в дом Лелиных родителей с визитом. Знакомство затянулось гордиевым узлом: связалось до невозможности развязать. Недели через четыре был опять бал. (Зри начало.)

Ногтев стоял у дверей, опершись плечами о косяк, и пожирал Лелю глазами. Леля, желая возбудить в нем ревность, кокетничала вдали с поручиком Набрыдловым, который был пьян, но не как стелька, а так, чуть-чуть, на первом взводе.

К Ногтеву боком подошел ее рара.

Всё рисуете-с? спросил рара. Художеством занимаетесь?

Да.

Тэк-с... Хорошее дело... Дай бог, дай бог... Гм... Бог талант, значит, такой послал. Тэк... У всякого свой талант...

Рара помолчал и продолжал:

А вот вы, молодой человек, знаете ли, вот что вы сделайте, коли вы того... всё рисуете. Вы весной к нам пожалуйте, в деревню. Презанимательные места там есть! Виды, я вам скажу, страсть! Рахваелю таких не доводилось рисовать. Очень рады будем. Да и дочка с вами так... сдружилась... Э-э-хм... хм... Ммолодые люди, ммолодые люди! Хе-хе-хе...

Художник поклонился и первого мая сего года, вместе со своими пожитками, покатыл в имение Асловских. Его пожитки состояли из ненужного ящика с красками, жилетки-пике, пустого портсигара и двух сорочек. Принят он был с объятиями самыми распростертыми. Дали в его распоряжение две комнаты, двух холуев, лошадь и всё, что пожелает, лишь бы только надежды подавал. Он воспользовался своим новым положением как нельзя лучше: ужасно много ел, много пил, долго спал, восхищался природой и не отрывал глаз от Лели. Леля была больше чем счастлива. Ей он был близок, был молод, хорош, был так робок... так любил! Он был так робок, что не умел подходить к ней, а глядел на нее всё больше издали, из-за портьеры или из-за куста. Робкая любовь! думала Леля, вздыхая...

В одно прекрасное утро ее рара и Ногтев сидели в саду на скамье и беседовали. Рара прохаживался насчет прелестей семейного счастья, а Ногтев терпеливо внимал и глазами искал Лелиного торса.

Вы у отца один сын? спросил, между прочим, папа.

Нет... У меня есть брат, Иван... Славный малый! Прелесть что за человек! Вы не знакомы с ним?

Не имею чести...

Жаль, что вы не знакомы. Он остряк такой, знаете ли, весельчак, душа человек! Литературой занимается. Все редакции его приглашают. В Шуте сотрудничает. Жаль, что не знакомы. Он рад был бы познакомиться... Вот что! Хотите, я напишу, чтоб он сюда приехал? А? Ей-богу! Веселей будет! Сердце рара от такого предложения точно дверью прищемило, но нечего делать! нужно было сказать: Очень рад!

Ногтев подпрыгнул в знак своего хорошего расположения и немедленно написал брату приглашение.

Брат Иван не замедлил явиться. Явился он не один, а вкуче со своим другом, поручиком Набрыдловым, и огромнейшим беззубым, старым псом Туркой. Прихватил он их с собой для того, чтобы, как он выражался, дорогой разбойники не напали и выпить было бы с кем. Им отведены были три комнаты, два холуя и одна лошадь на двоих.

Вы, господа, сказал Иван хозяевам, не беспокойтесь о нас! Нам ваших беспокойств не нужно. Нам ни перин, ни соусов, ни фортепианов ничего не нужно! А вот ежели помилосердствуете насчет пивка и водочки, ну... тогда другое дело!

Если вы вообразите себе огромнейшего тридцатилетнего мордастого малого, в парусинной блузе, с паршивенькой бородкой, опухшими глазами и с галстуком в сторону, то вы избавите меня от описания Ивана. Это был несноснейший в мире человек.

Когда он был трезв, он был еще сносен: на кровати лежал и молчал. Пьяный же был он невыносим, как репейник на голом теле. Когда он пьян, он говорит не умолкая, причем сквернословит, не стесняясь ни женским, ни детским присутствием. Говорит он о вшах, клопах, штанах и чёрт знает о чем. Других тем, более новых, у него не водится. Рара, тамап и Леля недоумевали и краснели, когда Иван, сидя за обедом, начинал острить.

К несчастью, во всё свое пребывание в имении Асловских ему ни разу не удалось быть трезвым. Набрыдлов же, маленький куценький поручик, во все лопатки старался походить на Ивана.

Мы с ним не художники! говорил он. Куды нам! Мы мужички!

Иван и Набрыдлов первым делом из барских хором, где им показалось душно, перебрались во флигель к управляющему, который не прочь был выпить с порядочными людьми. Вторым делом, они поснимали сюртуки и защеголяли по двору и по саду без сюртуков. Леле то и дело приходилось в саду наталкиваться на валявшегося под деревом в дезабилье брата или поручика. Брат и поручик пили, ели, кормили пса печенкой, острили над хозяевами, гонялись по двору за кухарками, громко купались, мертвецки спали и благословляли судьбу, случайно загнавшую их в те места, где можно la сыр в масле кататься.

Послушай, ты! сказал однажды Иван художнику, подмигивая пьяным глазом в сторону Лели. Ежели ты за ней... то чёрт с тобой! Мы не тронем. Ты первый начал, тебе и книги в руки. Честь и место! Мы благородно... Желаем успеха! Отбивать не станем, нет! подтвердил Набрыдлов. Было бы свинством с нашей стороны.

Ногтев пожал плечами и устремил свои жадные очи на Лелю.

Когда надоедает тишина, хочется бури; когда надоедает сидеть чинно и благородно, хочется дебош устроить. Когда Леле надоела робкая любовь, она начала злиться. Робкая любовь это басня для соловья. К великой досаде, в июне художник был так же робок, как и в мае. В хоромах шили приданое; рара денно и ночью мечтал о займе денег для свадьбы, а между тем их отношения не вылились еще в определенную форму. Леля заставляла художника по целым дням удить с собой рыбу. Но это не помогло. Он стоял возле нее с удочкой, молчал, заикался, пожирал ее глазами и только. Ни одного сладко-ужасного слова! Ни одного признания!

Называй меня... сказал ему однажды рара. Называй меня... Ты извини... что я говорю тебе ты... Я любя, знаешь... Называй меня папой... Это я люблю.

Художник стал сдуру величать рара папой, но и это не помогло. Он по-прежнему был нем там, где следовало возроптать на богов за то, что они дали человеку один только язык, а не десять. Иван и Набрыдлов скоро

подметили тактику Ногтева.

Чёрт тебя знает! возроптали они. Сам сена не жрешь и другим не даешь! Этакая скотина! Трескай же, дуб, коли кусок сам тебе в рот лезет! Не хочешь, так мы возьмем! То-то!

Но всему на этом свете бывает конец. Будет конец и этой повести. Кончилась и неопределенность отношений художника с Лелей.

Развязка романа произошла в середине июня.

Был тихий вечер. В воздухе пахло. Соловей пел во всю ивановскую. Деревья шептались. В воздухе, выражаясь длинным языком российских беллетристов, висела нега... Луна, разумеется, тоже была. Для полноты райской поэзии не хватало только г. Фета, который, стоя за кустом, во всеуслышание читал бы свои пленительные стихи.

Леля сидела на скамье, куталась в шаль и задумчиво глядела сквозь деревья на речку.

Неужели я так неприступна? думала она, и воображению ее представлялась она сама, величественная, гордая, надменная... Размышления ее прорвал подошедший рара.

Ну, что? спросил рара. Всё то же?

То же.

Гм... Чёррт... Когда же всё это кончится? Ведь мне, матушка, прокормить этих лодырей дорого стоит! Пятьсот в месяц! Не шутка! На одного пса три гривенника в день на печенку сходит! Коли свататься, так свататься, а нет, так и к чёрту и с братцем и с псом! Что же он говорит, по крайней мере? Говорил он с тобой? Объяснялся?

Нет. Он, папа, такой застенчивый!

Застенчивый... Знаем мы их застенчивость! Глаза отводит. Подожди, я его сейчас пришлю сюда. Покончи с ним, матушка! Нечего церемониться... Пора. Изволь-ка, матушка, того... Не молоденькая... Фокусы, небось, все уже знаешь! Рара исчез. Минут через десять, робко пробираясь кустами сирени, показался художник.

Вы меня звали? спросил он Лелю.

Звала. Подойдите сюда! Полно вам меня бегать! Садитесь!

Художник тихохонько подошел к Леле и тихохонько сел на краешек скамьи. Какой он хорошенький в темноте! подумала Леля и, обратясь к нему, сказала: Расскажите-ка что-нибудь! Отчего вы такой скрытный, Федор Пантелеич? Отчего вы всё молчите? Отчего вы никогда не откроете предо мной свою душу? Чем я заслужила у вас такое недоверие? Мне обидно, право... Можно подумать, что мы с вами не друзья... Начинайте же говорить!

Художник откашлялся, прерывисто вздохнул и сказал:

Мне вам многое нужно сказать, очень многое!

В чем же дело стало?

Боюсь, чтоб вы не обиделись. Елена Тимофеевна, вы не обидитесь?

Леля захихикала.

Настала минута! подумала она. Как дрожит! Как он дрожит! Поймался, голубчик?

У Лели самой затряслись поджилки. Ее охватил столь любезный каждому романисту трепет.

Минут через десять начнутся объятия, поцелуи, клятвы!.. Ах! замечтала она и, чтобы подлить масла в огонь, своим обнаженным горячим локтем коснулась художника.

Ну? В чем же дело? спросила она. Я не такая недотрога, как вы думаете...

(Пауза.) Говорите же!.. (Пауза.) Скорей!!

Видите ли... Я, Елена Тимофеевна, ничего в жизни так не люблю, как художество... искусство, так сказать. Товарищи находят, что у меня талант и что из меня выйдет неплохой художник...

О, это наверное! Sans doute!1

Ну, да... Так вот... Люблю я свое искусство... Значит... Я предпочитаю жанр, Елена Тимофеевна! Искусство... Искусство, знаете ли... Чудная ночь!

Да, редкая ночь! сказала Леля и, извиваясь змеей, съежилась в шали и полузакрыла глаза. (Молодцы женщины по части амурных деталей, страсть, какие молодцы!)

Я, знаете ли, продолжал Ногтев, ломая свои белые пальцы, давно уже собирался поговорить с вами, да всё... боялся. Думал, что вы рассердитесь...

Но вы, если поймете меня, то... не рассердитесь. Вы тоже любите искусство!

О... Ну да... Как же! Искусство ведь!

Елена Тимофеевна! Вы знаете, зачем я здесь? Вы не можете догадаться?

Леля сильно сконфузилась и, якобы нечаянно, положила свою руку на его локоть...

Это правда, продолжал, помолчав, Ногтев. Есть между художниками свиньи...

Это правда... Они ни в грош не ставят женскую стыдливость... Но ведь я... я ведь не такой! У меня есть чувство деликатности. Женская стыдливость есть такая... такая стыдливость, которой неглижировать нельзя!

Для чего он говорит мне это? подумала Леля и спрятала в шаль свои локти.

Я не похож на тех... Для меня женщина святыня! Так что вам бояться нечего...

Я не такой, я такой, что не позволю себе чепуху выделять... Елена Тимофеевна! Вы позволите? Да выслушайте, я, ей-богу, ведь искренно, потому что я не для себя, а для искусства! У меня на первом плане искусство, а не удовлетворение скотских инстинктов!

Ногтев схватил ее за руку. Она подалась чуточку в его сторону.

Елена Тимофеевна! Ангел мой! Счастье мое!

Н... ну?

Можно вас попросить?

Леля захихикала. Губы ее уже сложились для первого поцелуя.

Можно вас попросить? Умоляю! Ей-богу, для искусства! Вы мне так понравились, так понравились! Вы та, которую именно мне и нужно! К чёрту других! Елена Тимофеевна! Друг мой! Будьте моей...

Леля вытянулась, готовая пасть в объятия. Сердце ее застучало.

Будьте моей...

Художник схватил ее за другую руку. Она покорно склонила головку на его плечо. Слезы счастья блеснули на ее ресницах...

Дорогая моя! Будьте моей... натурщицей!

Леля подняла голову.

Что?!

Будьте моей натурщицей!

Леля поднялась.

Как? Кем?

Натурщицей... Будьте!

Гм... Только-то?

Вы меня премного обяжете! Вы дадите мне возможность написать картину и... какую картину!

Леля побледнела. Слезы любви вдруг обратились в слезы отчаяния, злобы и других нехороших чувств.

Так вот... что? проговорила она, трясаясь всем телом.

Бедный художник! Яркое-красное зарево окрасило одну из его белых щек, когда звуки звонкой пощечины понеслись, мешаясь с собственным эхом, по темному саду. Ногтев почесал щеку и ошолбенел. С ним приключился столбняк. Он почувствовал, что он проваливается сквозь всю вселенную... Из глаз посыпались молнии...

Леля, трепещущая, бледная как смерть, ошалевшая, сделала шаг вперед, покачнулась. По ней точно колесом проехали. Собравшись с силами, она неверной, больной походкой направилась к дому. Ноги ее подгибались, из глаз сыпались искры, руки тянулись к волосам с явным намерением вцепиться в оные...

До дома оставалось только несколько сажен, когда ей еще раз пришлось побледнеть. На ее пути, около беседки, увитой диким виноградом, стоял, широко растопырив руки, пьяный, мордастый Иван, непричесанный, с расстегнутой жилеткой. Он глядел в Лелино лицо, сардонически ухмылялся и осквернял воздух мефистофелевским ха-ха. Он схватил Лелю за руку.

Подите прочь! прошипела Леля и отдернула руку...

Скверная история!

Без сомнения! (франц.).